

Чарльз Диккенс и Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин – писатели-реалисты

К 210-летию со дня рождения английского и 196-летию русского писателей

Чарльз Диккенс и Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин – писатели-современники, ставшие любимыми и почитаемыми при жизни в своих странах. Они открыли миру буржуазную Англию и, встававшую на капиталистический путь развития, Россию XIX века. Оба сочетали в себе талант писателя и журналиста, что дало каждому возможность создать панораму общественной жизни. В творческой биографии писателей, в становлении их демократического мировоззрения было много общего.

Диккенс рано столкнулся с социальной несправедливостью, когда в 12 лет, оставшись без поддержки семьи, вынужден был пойти работать на фабрику по производству ваксы. Родителей посадили в долговую тюрьму. Когда семье удалось освободиться, Чарльз смог продолжить учебу в школе. Впоследствии работал клерком, стенографистом, репортером в палате общин английского парламента. Его газетные статьи вызвали читательский интерес. Под псевдонимом «Боз» Диккенс опубликовал в 1836 г. свой первый цикл очерков о Лондоне, социальных контрастах буржуазной столицы, где соседствуют богатство и нищета. Автор размышляет об одиночестве простого человека в многолюдном городе: «Человек не вызывает ни в ком сочувствия... Когда он умирает, нельзя даже сказать, что его забыли, – ведь никто не вспоминал о нем при жизни. В нашей великой столице существует многочисленный разряд людей, у которых, по-видимому, нет ни одного друга и до которых, очевидно, никому нет дела». В «Очерках Боза» впервые проявился демократизм молодого журналиста, его горячее сочувствие народу, искренняя любовь к простому человеку, попытка обратить внимание тех, кто «слеп», на нужды бедных тружеников.

Русскому писателю Салтыкову-Щедрину, сыну помещика, также еще в детстве открылась картина царившей в России социальной несправедливости. Наиболее ярко она проявлялась в сельской жизни, где сохранялось крепостное право. Людей продавали, подвергали телесным истязаниям, морально подавляли. Няньки, крепостные учителя, учившие маленького барина читать, писать, быть добрым и справедливым, остались в памяти навсегда, о чем он напишет в последнем, отчасти, автобиографическом произведении «Пошехонская старина». Глубокое воздействие на восьмилетнего мальчика оказало чтение Евангелия. «Оно посеяло в моем сердце зачатки общечеловеческой совести», – вспоминал на склоне лет писатель. В отличие от Диккенса, Михаилу Салтыкову не пришлось самому пробивать себе дорогу в жизни. Он получил хорошее образование, служебная карьера складывалась вполне успешно: служил в Военном министерстве, министерстве Внутренних дел, по ведомству министерства Финансов. Вышел в отставку в 42 года в чине генерала. Попутно, как и английский писатель, он серьезно занимался журналистикой. Еще в 40-х гг. он вошел в литературу как автор стихов, литературно-критических статей и двух повестей. Ему так же была близка тема «маленького человека», впервые затронутая в русской литературе А. С. Пушкиным. Открытое выступление начинающего писателя против существующей социальной дискриминации прозвучало в повести «Запутанное дело», и это обернулось для него долгими годами ссылки в глухую губернию. Это случилось в 1848 г. – в год Французской революции, которую и Диккенс, и Салтыков встретили восторженно.

Чарльз Диккенс писал Джону Форстеру в 1848 г.: «Да здравствует народ! Долой королей! Долой Гизо! Долой Бурбонов! Смерть предателям! Пусть струится кровь за свободу, за справедливость, за общее дело... Гражданин Шарль Диккенс».

Михаил Салтыков-Щедрин в очерках «За рубежом» делился своими воспоминаниями о революционной Франции 40-х гг. XIX века: «Оттуда лилась на нас вера в человечество, отсюда воссияла нам уверенность, что «золотой век» находится не позади, а впереди нас...»

Также в унисон писатели выступали против Крымской кампании 1853–56 гг., в которой Англия с союзниками объявила России войну, принесшей народам воюющих сторон много горя.

Диккенс в своем журнале «Домашнее чтение» в ноябре 1854 г. писал: «...пороховой дым и кровавый туман снова заслонили собой притеснения народа и его страдания у нас дома. Когда я думаю о Патриотическом фонде... о той нищете и тех бедствиях, которые породила у нас холера, в одном лишь Лондоне жестоко и бессмысленно уничтожившая неизмеримо больше англичан, чем может погибнуть за все время войны с Россией, мне кажется, что какая-то сила отбросила мир на целых пять столетий назад». Диккенс резко осудил британскую бюрократию за бездействие в борьбе с разразившейся в стране холерой. Тяжелое положение народа усугублялось военными расходами. Писатель предрекает правительству, не желавшему видеть внутренние проблемы, «пожар, какого свет не видел со времен Французской революции». Автор романов «Холодный дом», «Тяжелые времена», «Крошка Доррит», вышедших в свет в период Крымской кампании, выступает с разоблачением антинародной, коррумпированной английской бюрократической системы управления: «Министерства Волокиты», и, паразитировавшего на отсрочках, крючкотворстве, судебных пошлинах, «Канцелярского суда». Верховный Канцелярский суд, представленный в романе «Холодный дом», – юридическая машина, своевольно играющая жизнью и смертью граждан. «Из года в год он мучает, разоряет, сводит с ума, убивает, толкает на путь порока тысячи людей». Двухпалатный парламент Англии, названный Диккенсом в романе «Крошка Доррит» «Министерство Волокиты», стал воплощением застоя и косности. Парламентские партии-близнецы дрались за власть, не обращая внимания на нужды общества, решать которые они не собирались. По поводу злоупотреблений и хищений, которые допустило английское военное командование в годы Крымской войны, проводились судебные расследования. Были раскрыты преступления как со стороны армии, так и со стороны правительства. Опорой парламентской аристократии являлись представители делового мира, денежные воротилы подобные одному из героев романа «Крошка Доррит» – финансисту-мошеннику Мердлу. Он щедро раздает денежные субсидии церкви, палатам парламента, адвокату. Но он ничего не делает даром, требуя для себя дворянский титул. Разорив сотни людей, Мердл избежал расплаты. «За 10 или 15 лет, удостоенный больших почестей, – пишет о нем Диккенс, – чем за два столетия было оказано в Англии всем мирным радателям о народном благе и всем светилам науки и искусства, со всеми их творениями, он был попросту величайшим мошенником и вором, когда-либо ухитрившимся избежать виселицы». Правящая элита, названная писателем Полипами и Чваннингами, представляла английский парламент. Все теплые местечки во всех государственных учреждениях Англии присвоило себе семейство Полипов. Во главе Министерства Волокиты стоял Децимус Полип. Власть, противостоящая народу, сливается в собирательный образ «полипняка», «присосавшегося к государственному кораблю», «а если корабль, облепленный «полипами», пойдет ко дну, то это уж его забота, а не их», – заключает писатель. В связи со сложившимся порядком вещей, писатель спрашивает читателя: «Кто истинный патриот, на кого можно положиться в годину бедствий – на тех, кто ценит свою страну, владея ее лесами, полями, реками, землей и всем, что они дают, или на тех, кто любит родину, хотя на всех ее необъятных просторах не найдется ни клочка земли, который они бы могли назвать своим?» Именно народ, по мнению Диккенса, бескорыстно любящий свою страну, – ее сила и слава.

Таким же бременем легла Крымская война на плечи русского народа. Еще в Вятке, куда был сослан русский писатель, он наблюдал за тем, как решаются вопросы с мобилизацией и военной подготовкой в губернии. В 1856 г. как чиновник по особым поручениям при министре внутренних дел Михаил Салтыков проводил ревизии комитетов ополчения Тверской и Владимирской губерний. Ему явилась «ополченская драма» «скорбной поры». Откупщиков военных подрядов сатирик окрестил «конквистадорами наживы». В «Губернских очерках», в очерках «Тяжелый год» и «Погоня за идеалами» затрагивается тема истинного и ложного патриотизма. «Была горькая година в жизни России..., когда шла речь о ее значении в сонме европейских государств и подвергалась сомнению ее военная слава. И что ж! в это самое время находились люди, которые ставили ополченцам сапоги с картонными подметками, продавали в свою пользу волов, пожертвованных на мясную порцию для нижних чинов, снабжали солдат кремневыми ружьями, в которых, вместо кремния, была вставлена выкрашенная чурочка... Эти люди не только не имели злодейского вида, но и сами себя не считали злодеями. Они пили, ели,

провозглашали тосты... очень искренно молились в церквях о ниспослании победы... тем самым ратникам, которых сейчас спустили по морозцу на картонных подошвах... Ужели можно предположить, что, поступая таким образом, эти люди понимали, что они обездоливают и продают то самое государство, которое их приютило, поставило под защиту своих законов и даже дало средство нажиться?»

О том, как формировался класс буржуазии в России, русский сатирик пишет в своих произведениях: «Признаки времени», «Благонамеренные речи», «За рубежом». Новое сословие, названное писателем «необкультуренными чумазами», формировалось из разбогатевших откупщиков, концессионеров, лавочников, прасолов, кулаков. Экономические приемы «умеющих жить» людей – «надуть», «нагреть», «объегорить». «...Это пустой, праздный и при том ленивейший забулдыга, – пишет Салтыков-Щедрин в произведении «Признаки времени» о представителе нового сословия, – которому чудом удалось уйти от каторги и затем слопать кишачие вокруг него массы «рохлей», «ротозеев» и «дураков». «Начавши жизненную карьеру с процесса простого “отнятия”», – продолжает писатель эту тему в цикле “Благонамеренные речи” (“Кандидат в столпы”), – они постепенно приходят в восторженное состояние и возвышаются до ненависти. Им мало отнять у “разини”, им нужно сократить “разиню”, чтоб она не болталась по белу свету, не обременяла понапрасну землю». Эпоха капитализма характеризуется криминальными событиями, связанными с растаскиванием государственной казны, коррупцией, падением общественных нравов. В цикле «Признаки времени» о преуспевающих людях нового времени: «Тот приобрел себе многоэтажный дом, другой стянул целую железную дорогу... пятый набрал денег и бежал за границу». Свои наблюдения за происходящим в стране Щедрин заключает в очерках «За рубежом» словами: «Никакого распределения богатств у нас нет, да, сверх того, нет и накопления богатств, а есть простое, наглое расхищение». Политическая установка новых хозяев жизни выражена словами героя произведения «Благонамеренные речи» Осипа Дерунова: «Насчет вина свободно, насчет чтений – строго!» «Крестьянин должен дани платить, а не о приобретениях думать». Становлению нового правопорядка способствовало содружество экономических столпов с реформированной просвещенной бюрократией. Произносимые последними «благонамеренные речи» об общем благе, о священности права собственности, об интересах государства, призваны были маскировать своекорыстные интересы. «Лицемерные лгуны суть истинные дельцы современности... Они забрасывают вас всевозможными “краеугольными камнями”, загромождают вашу мысль всякими “основами” и тут же, на ваших глазах, на камни паскудят и на основы плюют. В обществе эти люди носят названия “дельцов” ... Они всегда готовы на всякое двоедушие. И богу помолиться и покошунствовать» («Благонамеренные речи», «К читателю»). Тоталитарная система управления в России пронизывает всю вертикаль власти, которая творит произвол, совершенно не считаясь с нуждами народа. На каждом уровне управления существуют свои законодатели, начиная от монарха, министров, кончая губернаторами и градоначальниками. Эта тема отображена в романе «История одного города». В цикле «Благонамеренные речи» Салтыков-Щедрин характеризует систему управления в России так: «Государство представляется исключительно в виде усмирителя и сборщика податей, а не в виде убежища». Российская бюрократия у Салтыкова-Щедрина, как английская у Диккенса, получила свои наименования. Это департаменты: «Препон и Неудовлетворений» (МВД), «Изысканий источников и наполнений бездн» (министерство финансов), «Преуспеваний и прогресса» (реформаторская деятельность правительства, выраженная в словах: «палить без пороха»), «Побед и Одолений» (военное министерство), «Недоумений и Оговорок» (министерство юстиции), «Расхищений и Раздач» (министерство гос. имуществ), «Государственных Умопомрачений» (министерство просвещения), «Возмездий и Воздаяний» (Третье отделение). Реформированная российская бюрократия и формирующаяся буржуазия одержимы жаждой власти, страстью делать деньги, ради чего готовы «продать все отечество, лишь бы нашелся покупатель». «Отечеству надлежит служить, а не жрать его, – пишет Салтыков-Щедрин в цикле «Круглый год». – Нельзя быть паразитом и патриотом в одно и то же время, ни по очереди, сегодня – патриот, а завтра – проходимец. Каждый должен оставаться на своем месте». Истинный патриот, по мнению писателя, тот, кто заботится об общем благе.

Так же беспощадно, как Диккенс, Салтыков-Щедрин обличает российских лжепатриотов. Формирование ополчения в России сопровождалось неслыханными оргиями казнокрадства и мошенничества.

В романах «Николас Никльби» и «Тяжелые времена» Диккенс касается вопросов воспитания и образования в Англии, обвиняя тех, кто растит из детей накопителей ненужной информации, не умеющих мыслить самостоятельно. Богач Грэдграинд, один из героев романа «Тяжелые времена», ранее занимавшийся оптовой торговлей, говорит о людях с точки зрения их практической пользы. «Он всегда готов взвесить любой образчик человеческой природы и безошибочно определить, чему он равняется. Это всего-навсего – подсчет цифр», – пишет Диккенс. Грэдграинд воспитывает в своих детях практицизм, интересы которых исчерпывались бы лишь сухими цифрами и статистикой. В школе Грэдграинда работает учителем мистер Чадмор, «...этот “душитель детей” был из тех школьных учителей, которых в количестве 140 штук недавно изготовили в одно и то же время, на одной и той же фабрике, по одному и тому же образцу, точно партию ножек фортепиано». Однако мистеру Грэдграинду не удается подавить живое воображение своей воспитанницы Сесси, взятой из простого сословия. Одними цифрами ее не убедишь. Она интересуется, почему «процветает вся нация», но неизвестно, кому достаются деньги? В романе «Николас Никльби» писатель рассказал о варварском обращении с детьми в школах Йоркшира и о том, «сколько чудовищно пренебрегают в Англии воспитанием и как небрежно относится к воспитанию государство». Для владельцев частных школ таких, как герой романа Сквирс, ученики – источник наживы, а не люди. Жестокость, постоянные издевательства, лицемерие, которые процветают в подобных школах, наносят непоправимый вред ребенку. Общество, по мнению писателя, не может рассчитывать на благополучие, если ежедневно унижаются дети. Государство должно бережно относиться к каждой детской душе, мудро «воспитывать чувства», развивать все лучшие качества человека, в том числе, чувство собственного достоинства.

Салтыков-Щедрин также неоднократно обращался к вопросам воспитания, начиная с первых литературно-критических статей на произведения детской литературы. Он порицал «нищих духом родителей», отравляющих сознание ребенка приторно-слащавыми «повестушками», уводящими от реальности. Нашли отражения педагогические вопросы и в его цикле «Мелочи жизни», в котором автор пишет о «нивелирующей руке циркуляра», тяготеющего над российской школой, «не учитывающего ни личности педагога», «не характеристических особенностей учащихся», «скроенных всех как бы по одной мерке». «Не стремление к распространению знания стоит на первом плане, а глухая боязнь этого распространения... Переводный или неперевожденный балл – вот единственное мерило для оценки, причем не берется в соображение, насколько в этом балле принимает участие слепая случайность... Но, в таком случае, для чего же не прибегнуть к помощи телефона? Набрать бы в центре отборных и вполне подходящих к уровню современных требований педагогов, которые и распространяли бы по телефону свет знания по лицу вселенной, а на местах содержать только тьюторов, которые наблюдали бы, чтобы ученики не повесничали... Что может дать такая школа? Что, кроме *tabula rasa* ...?»

Образование как в Англии, так и в России не касалось народа, являясь привилегией «избранных». Оба писателя считали первостепенным делом своих правительств – просвещение народа и привлечение его к участию в управлении страной. В одном из своих выступлений в защиту Ассоциации по проведению реформ управления страной (27 июня 1855 г.) Диккенс призвал рабочих стать членами этой Ассоциации, чтобы не допустить «принятия биллей, теснящих и угнетающих народ».

Так же в период реформ в России в 60-х гг. в своих статьях Щедрин призывал правительство дать народу все то, без чего «он жить и дышать не может»: собственность на земельные наделы, право присылать своих представителей в органы управления (всесословные земства), возможность учиться. «Гораздо славнее и легче управлять народом, уже вступившим в пору самосознания, нежели управлять полудикой толпой, гонимой страхом» («Пестрые письма»).

Тема буржуазной семьи, в которой отношения строятся на коммерческом расчете, раскрывается Диккенсом в романах «Домби и Сын», «Николас Никльби». Мистер Домби – богатый купец, владелец торгового дома. Его разговоры с людьми исчерпываются вопросами

найма, купли-продажи. Он уверен, что за деньги можно купить все, даже любовь, потому что его окружают раболепные и льстивые лицемеры. В буржуазном обществе все добрые человеческие отношения рушатся, их сменяет зависимость от «бессердечного чистогана». Расплата наступает в финале романа, когда умирает единственный наследник, маленький сын Поль, ставший жертвой суровой системы воспитания, где любовь не предусматривается, являясь проявлением слабости. Деньги сделали мизантропом, дядю главного героя, Ральфа Никльби (роман «Николас Никльби»). Он идет по пути предательства, переступая через близких ему людей. Страсть к накопительству вытесняет в его душе любовь к ближнему. Он преследует бедных родственников, обратившихся к нему за помощью, становится причиной гибели собственного сына.

Вопрос о значимости семьи в современном обществе активно обсуждался в российской прессе. «Сила и крепость государства находится в прямой зависимости от силы и крепости семейного союза в стране», – писалось в издании «Русский мир» в 1871 г. №1. В романе «Господа Головлевы» Салтыков-Щедрин показал, как мир собственности изнутри подрывает и разваливает семью, превращая «краугольный камень» современного социального уклада в фикцию. Удачное накопительство не способствует укреплению родственных связей, а становится причиной розни между близкими. Щедрин обличал лживость «благонамеренных речей». Как у Диккенса, у Салтыкова-Щедрина любимым сатирическим приемом был показ несоответствия высоких слов героев с их низкими поступками. Слова Порфирия Головлева, прозванного в семье Иудушкой, имитируют благородные идеи, душевные побуждения, за которыми следуют бессердечные дела и поступки. Салтыков-Щедрин трактует процесс развития порочных страстей как следствие влияния социальной среды.

Деньги всевластны в Англии, они определяют отношения в обществе, распоряжаются людскими судьбами. Обратную сторону внешне респектабельного буржуа показал Диккенс в романе «Большие надежды». Бедный крестьянский мальчик-сирота Филипп Пиррип получил наследство от беглого каторжника, которому оказал когда-то помощь. Но богатство, окрашенное кровью и преступлением, убивает надежду на счастье. Диккенс называет свою страну «коммерческим кораблем». «Он плывет по мутным водам капитала, а богатый груз его – “мусор”». Именно на мусоре нажил свое состояние отец главного героя романа «Наш общий друг» – Джон Гармон Старший. Образ «мусора» – символ богатства, нажитого грязными способами, оказывающее «грязное» воздействие на человека. Основа преуспевания и богатства единиц – бедность и тяжелый труд тысяч таких, как Бэтти – одна из героинь романа, умирающая на улице. Не видеть этого могут только лицемеры, вроде богатого мистера Подснепа, который решил считать не существующим все то, к чему он повернется спиной, то есть не видеть ничего неприятного. Нежелание буржуазии видеть правду получило в Англии название «подснепизм». Это социальное лицемерие опасно тем, что воспитывается уже в школах. Подснеп делает вид, что бедняков в его стране не существует. В Англии была популярна идея, высказанная священником Мальтусом, что причиной бедности и безнравственности является избыточность населения. «Заботясь» о бедных, парламент принял закон в 1834 г. об открытии работных домов, куда попадали бродяги, безработные и нищие. В этом раю «из кирпича и известки» из-за скудной пищи, холода, грязи и болезней люди умирали, уступая места вновь прибывшим. Так английская буржуазия решала вопрос избыточного населения. Именно в работном доме родился главный герой романа Диккенса «Оливер Твист», «смирный голодный бедняк, проходящий свой жизненный путь под градом ударов и пощечин, презираемый всеми и нигде не встречающей жалости». Идея «мальтузианства» прослеживается в рождественской повести «Колокола», главный герой которой – бедный старик-рассыльный Тоби Вэкс, который живет грошовыми заработками, выполняя мелкие поручения. Вся его жизнь проходит на улице, где в любую погоду он ждет случайных поручений. Встретив несчастного старика, джентльмены рассуждают, что бедняки не должны обзаводиться семьями, не в праве употреблять хорошие продукты. Наиболее правильное решение проблемы – их уничтожение.

Бюрократизм «волокичников», равнодушие верхов, считающих бесчеловечный порядок неизбежным, пролагают путь «Возмездью». Нельзя не считаться с интересами и нуждами миллионов, так как суд истории – суд народа. Этот мотив звучит в романах Диккенса «Барнеби

Радж», «Повесть о двух городах». Писатель разделяет мысль своего друга историка Томаса Карлейля о Французской революции как акте «исторического возмездия».

В творчестве русского писателя Салтыкова-Щедрина также анализируется тип общественного поведения, основанного на нежелании видеть и признавать того, как попирается властями права и свободы граждан. Этому общественному явлению посвящены такие произведения, как «Господа Молчалины», «Современная идиллия», «История одного города», «Пошехонские рассказы», сказки («Недреманное око», «Вяленая вобла», «Премудрый пискарь», «Здравомысленный заяц»). «Молчалины», «глуповцы», «пошехонцы» – заурядные люди толпы, обыватели. Их появлению способствует социальное неравенство, материальная необеспеченность, бедность духовного развития. Салтыков-Щедрин говорил о типичности этого явления для российской действительности: «Молчалины бесшумно, не торопясь, переползают из одного периода истории в другой, никому не бросивши слова участия, но и никого не вздернувши на дыбу (то есть, может быть, кого-нибудь и вздернули, но, ей-богу, не сами собой) ...» Крупные злодеи «ничего не могли бы, если бы у них под руками не существовало легионов Молчалиных».

Для писателей Ч. Диккенса и М. Е. Салтыкова-Щедрина объединяющей стала тема христианских праздников. Английский писатель задумал «Рождественские повести» тогда, когда обострилось социальное противостояние из-за промышленного кризиса в Англии. В 1842 г. произошла всеобщая стачка, которая была жестоко подавлена. Писатель понимал, что начавшаяся борьба может привести к революции. «Рождественские повести» должны были стать «рождественскими проповедями», служить смягчению общественных нравов: «для исправления одних и воспитания бодрости и терпения у других». Они публиковались с 1843 по 1848 гг. ежегодно в дни Рождества. К этому дню у Диккенса было особое отношение. Для него это не только любимый семейный праздник, когда проявляются добрые чувства и прощаются обиды, но и время равенства. Писатель обратился к жанру «святочной сказки», для которой свойственны мотивы исправлений пороков, превращения отрицательных героев в положительных. Вопреки своим установкам, в «Рождественских повестях» он достиг подлинного мастерства в изображении пороков современного буржуазного общества. Богач и скряга Скрудж – герой рассказа «Рождественская песнь» предоставлял права работным домам решать проблемы бедных. Во сне Скруджу являются духи, показывающие всю его жизнь от детства до смерти. Стремление к богатству сделало его бессердечным, злым. Увидев, какой печальный конец его ждет (богатство будет разворовано, а сам он умрет в одиночестве), герой перерождается, становится добрым и чутким. Несмотря на сказочное преображение в финале повести, Диккенс осуждает скруджей, отгородившихся от народа тюрьмами, работными домами. Все симпатии автора на стороне бедняков. Он предупреждает обидчиков, что народ теряет терпение и скоро «научится читать Библию по-другому. Диккенс говорит о неизбежности социальных перемен, как бы ни хотела власть «волокичиков» избежать решения острых вопросов.

В России главнейшими церковными праздниками являются Пасха и Рождество. В «Недоконченных беседах» Щедрин вспоминал о Пасхе: «Когда-то это был удивительно приятный для меня праздник. Я говорю не про детство..., а про позднейшее время, когда на первом плане стояли уже не яйца и куличи, а вся эта веселая, ликующая ночь. Я, крепостной до мозга костей, я, раб от верхнего конца до нижнего, в продолжении нескольких часов чувствовал себя свободным от уз... И заметьте, что я ощущал это сладкое чувство, имея на плечах мундир, сбоку – шпагу и под мышкой – треуголку». Салтыков-Щедрин высоко ценил, усвоенные еще в детстве, социально-нравственные ценности христианства. В юности писатель испытал влияние идей французских философов, социалистов-утопистов, восприняв демократическую трактовку Евангелия, данную христианским философом Фелисите Робером де Ламенне. В своих христианских рассказах – притчах: «Рождественская сказка» и «Христова ночь» Салтыков-Щедрин говорит о неизбежности торжества Правды на земле. «Пробьет этот желанный час, и явится свет, которого не победит тьма. И вы свергнете с себя иго тоски, горя и нужды, которое удручает вас. Подтверждаю вам это, и как некогда с высот Голгофы благословлял вас на стяжание душ ваших, так и теперь благословляю на новую жизнь в царстве света, добра и правды» – так звучат слова пришедшего на землю Христа, обращенные к народу в сказке-предании «Христова

ночь». Салтыков-Щедрин видел нравственно-воспитательную основу для социально разобщенного общества в устоях русского православия.

Чарльз Диккенс и Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин были известными публицистами, редакторами столичных демократических журналов: первый издавал и редактировал журналы: «Домашнее чтение» и «Круглый год», второй участвовал в редактировании изданий: «Современник» и «Отечественные записки». Их выступлений ждали, к ним прислушивались многочисленные читатели. Писатели живо откликались на события политической и социальной жизни, не боялись касаться острых проблем, волновавших современников. Общественные пороки подвергались в их произведениях сатирическому обличению. Они видели предназначение искусства и литературы в том, чтобы служить интересам и чаяниям народа. Писатели-реалисты видели свое призвание в пробуждении общественного сознания, обличении антинародной политики буржуазного правительства, социальной несправедливости в общественной жизни. Обобщение жизненных явлений и создание типических образов – такова была программа их творчества.

«Когда я писал, я служил своей стране. Я хотел разобраться в социальной несправедливости и помочь правильно решить общественные вопросы», – так определял свою творческую задачу всемирно известный английский классик Чарльз Диккенс. Ему вторил и гениальный русский писатель Михаил Евграфович Салтыков-Щедрин: «Сказать человеку толком, что он человек, – на одном этом предприятии может изойти кровью сердце. Дать человеку возможность различать справедливое от несправедливого – для достижения этого одного можно душу свою погубить. Задачи разъяснения громадны и почти неприступны, но зато какие изумительные горизонты! Какое восторженное, полное непрерывного горения существование!»

Научный сотрудник Музея М.Е. Салтыкова-Щедрина
Ольга Михайловна Сорокина.

Литература:

1. Диккенс Ч. Собр. соч. в 30 тт. М.: «Художественная литература», 1957 г.
2. Салтыков-Щедрин М. Е. Собр. соч. в 20 тт. М.: «Художественная литература», 1976 г.
3. Тугушева М. Чарльз Диккенс. Очерк жизни и творчества. – М.: Детская литература, 1979 г.
4. Ивашева В. Чарльз Диккенс. Вступительная статья к собр. соч. в 30 тт. М.: «Художественная литература», 1957 г.
5. Макашин С. А. Биография М. Е. Салтыкова-Щедрина в 4-х тт. т. 3, М.: «Художественная литература», 1984 и т. 4, 1989 г.

При цитировании необходимо указывать имя автора и источника заимствования.